

Л. Е. Антонова, И. Г. Никольская

**ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ДИСКОМФОРТНЫХ ЭМОЦИЙ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(на примере стыда и сомнения)**

Работа представлена кафедрой русского языка как иностранного для иностранных учащихся-нефилологов Санкт-Петербургского государственного университета.

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор В. В. Химик

Статья посвящена проблеме выражения дискомфортных эмоций (на примере стыда и сомнения) в современном русском языке. Авторы предпринимают попытку объяснить возможность описания одного дискомфортного эмоционального состояния через другое, на первый взгляд, совершенно не связанное с первым.

The article deals with an issue of realization of the discomfort emotions (by the example of shame and doubt) in the modern Russian language. The authors try to explain the possibility of describing one discomfort emotion via another one, which are at first sight not connected with each other.

Когда речь идет об эмотивной лексике, ее семантике, разных способах выражения или описания эмоций вообще, мы сталкиваемся с массой разночтений и противоречий. Особенно ярко эти противоречия и разночтения выявляются при рассмотрении семантических полей конкретных эмоций. Их границы часто размыты, они пересекаются одновременно с целым рядом как семантически схожих, так и на первый взгляд совершенно чуждых друг другу полей.

При чтении художественных текстов мы сталкиваемся с тем, что иногда очень трудно определить, какую именно эмоцию испытывает тот или иной персонаж литературного произведения, особенно если она прямо не названа автором. Проиллюстрировать это положение можно, рассмотрев семантическое поле стыда и поле сомнения. Мы относим состояния стыда и сомнения к дискомфортным состояниям. Под душевным дискомфортом понимается отсутствие внутреннего спокойствия, психологической стабильности; разлад с собой и с окружающим миром. Дискомфортный характер этих состояний вытекает уже из определений этих состояний. «Сомнение – неуверенность в истинности чего-либо; мысль о возможном несоответствии чего-либо действительности, состояние душевного разлада»¹. «Стыд – эмоциональное осуждение своего поведения, неудовлетворенность собой, сожаление о совершенном поступке; чувство сильного смущения, неловкости от сознания предосудительности, неблагоприятности поступка кого-либо»². Психологи связывают стыд и сомнение с внутренним конфликтом, напряжением.

Аналогично рассматривают это явление, выраженное в базовой лексике, и лингвисты. В толковых словарях русского языка даются следующие определения стыда и сомнения. *Стыд* – «чувство сильного смущения, неловкости от сознания предосудительности, неблагоприятности своего поступка, поведения и т. п.; положение, поведение и т. п., позорящее кого-, что-л.; позор, бесчестье»³. *Сомнение* – «неуверенность в истинности, возможности чего-л., отсут-

ствие твердой веры в кого-, что-л.; состояние душевного разлада, неуверенности, колебаний»⁴.

Мы не случайно остановились на средствах выражения таких неоднородных, на первый взгляд, эмоциональных состояний, как стыд и сомнение. Каждое из этих двух состояний человека включает все основные компоненты, свойственные любому психическому состоянию: аффективный (и стыд, и сомнение эмоционально окрашены, могут достаточно сильно переживаться их носителями), когнитивный (оба описываемых состояния могут быть связаны с их осмыслением, осознанием) и суггестивный компонент (и стыд, и сомнение характеризуются некоторой недостаточностью проявления волевой сферы человека). Однако в состоянии стыда преобладает аффективный компонент, а в состоянии сомнения – когнитивный.

О тесной взаимосвязи стыда и сомнения свидетельствует и то, что сомнение часто бывает вызвано колебаниями человека между тем, как ему хочется поступить, и общепринятыми нормами поведения (так называемый конфликт между желаемым и должным). С другой стороны, состояние сомнения, неуверенности может само по себе вызвать у человека чувство стыда, неловкости, смущения (то есть человек может сам стыдиться своих сомнений, нерешительности). Часто трудно с полной определенностью сказать, о стыде или о сомнении идет речь, о чем свидетельствуют фрагменты из современных художественных текстов, в которых словарные значения реализуются в следующих речевых смыслах:

1. «...Таня сама сделала Сергею предложение, он был давно молчаливо влюблен, но *медлил, колебался, смущался* тенью генеральства, стоявшей за Таниной спиной». (Улицкая Л. Медея и ее дети). В этом микротексте соседствуют предикаты *колебался* (сомневался) и *смущался* (смущение связано со стыдом; стыд часто определяется как чувство сильного смущения), то есть эти два эмоциональных состояния человека сосуществуют в пространстве и време-

ни, их одновременно испытывает один и тот же человек.

2. «Понятно, – улыбнулся старый адвокат. – Вы не уверены в виновности вашего друга?» Она слабо кивнула. «Тогда вам нужен тот, кто может развалить дело. Я правильно вас понял?»» Ольга снова кивнула, испытывая неимоверный стыд. *Сомнения в невиновности Георгия грызи ее все сильнее, и от этого она становилась неприятна сама себе* (Маринина А. Призрак музыки). Героиня А. Марининой испытывает сомнения в невиновности близкого ей человека и одновременно стыдится того, что не может быть полностью уверена в нем. Сомнения и стыд мучают ее, они предопределяют друг друга.

О взаимосвязи и даже, возможно, родстве понятий стыда и сомнения также могут, хотя и косвенным образом, свидетельствовать синонимические ряды этих понятий, которые частично пересекаются: *стыд – неудобство – неловкость – стеснение – смущение – смятение; сомнение – неуверенность – нерешительность – колебание – смятение – смущение*. Данные синонимические ряды выведены нами эмпирическим путем в результате обработки около 3000 контекстов, с помощью анализа словарных статей синонимических и толковых словарей русского языка и подтверждаются данными современных психологических исследований.

Как показывает анализ микротекстов, сомнение и стыд часто маркируются одними и теми же существительными *смятение, смущение*, глаголами *помяться, замяться, смутиться, смешаться*, хотя, как уже отмечалось выше, стыд относится к социальным (нравственным, этическим) эмоциям, а сомнение – к интеллектуальным. Вероятно, что эти лексемы обозначают одновременно и физический, и душевный (нравственный и интеллектуальный) дискомфорт. Например:

1. Была еще одна вещь, которая смущала его в плане, предложенном Каменской. Гордеев требовал от своих сотрудников беспрекословного соблюдения требований

закона. Положа руку на сердце, он не мог бы сказать, что его правосознание протестует против не вполне законных действий, к которым частенько прибегают оперативные работники при раскрытии преступлений. ...Дело было в другом... (Маринина М. Украденный сон). Слово смущала обозначает в данном контексте не столько чувство, близкое к стыду, сколько сомнение в правильности предложенного плана.

2. «В болезни и смерти надо подчиняться природе». «И в любви», – подумал мальчик. Но тут же засомневался, вернее, смутился самого слова «любовь». Она ли? Или назвать это всеми теми грубыми словами, которых в обиходе тыща. Но он не мог то, что с ним было, и то, чего не было, но он намечтал, оскорбить плохим словом, хотя любовь не годилась тоже (Щербакова Г. Мальчик и девочка). В данном микротексте смутился, на наш взгляд, обозначает одновременно и сомнение в том, точно ли выбрано слово, и некоторую степень стыда-смущения, связанного с самим смыслом выбранного слова.

Интересно, что в одном из словарей смущение (стыд) сопряжено с сомнением, неуверенностью человека в себе: «Смущаться – приходиться в состояние, когда от стыда, от отсутствия уверенности в себе не знаешь, что сказать, что сделать»⁵.

Связь рассматриваемых нами эмоций прослеживается и в метафорах, связанных с состояниями стыда и сомнения и используемых для их обозначения или описания. Вот некоторые из них:

1. Стыд и сомнение уподобляются стихии, не зависящей от воли человека: *охватило чувство стыда, одолели сомнения*. Напр.: Охватившие его стыд и отвращение к себе были такими, что он просто взял и закрыл глаза (Пелевин В. Чапаев и Пустота); Я писал, не умея писать, строил фразы, сюжет, не зная, как это делается, *сомнения, неуверенность одолевали меня*, я их превозмогал... (Рыбаков А. Роман-воспоминание);

2. Стыд и сомнение – жидкость, влага: *ни капли стыда, ни капли сомнения; затопи-*

ло чувство стыда; сомнения проистекают. Напр.: Он не отдавал себе отчет в том, откуда проистекают его сомнения, старался гнать их от себя прочь (Кречетов В. Камни со дна реки).

3. Стыд и сомнение представлены как враждебное существо: *стыд грызет, сомнения грызут, гложут*. Напр.: *Сомнения в невиновности Георгия грызи ее все сильнее*, и от этого она становилась неприятна сама себе (Маринина А. Призрак музыки).

4. Стыд и сомнение – груз, тяжесть: *груз стыда; сомнения*. Напр.: «О Господи. Как я устала от них...» «От сигарет?» «От родственников. Даже замуж специально в восемнадцать лет выскочила, думала, избавлюсь. И ведь никому не расскажешь, ни мужу, ни дочери, *стыдно, прямо камень на душе* (Донцова Д. Гадюка в сиропе); Все большее количество людей ощущают *давление «груза возможных выборов»*...: даже получив хорошее образование и работу, многие мечтают об ином... и одновременно испытывают страх все разрушить... (Сергеева Ж. Испытание «чистого листа»).

5. Стыд и сомнение – ненужная вещь: *отбросить стыд, отбросить сомнения*. Напр.: *Отбросив стыд* и долгие заботы, мы жили исключительно духовной жизнью (Ерофеев Б. Москва-Петушки).

6. Стыд и сомнение – болезнь: *приступы сомнения, нерешительности; умереть от стыда*. Напр.: Она умерла бы от стыда, если бы позвала на помощь (Устинова Т. Богиня прайм-тайма); Эти *приступы тревоги и нерешительности еще более усиливаются*, когда мы отдаем себе отчет в том, что наша жизнь – неповторима и единственная и прожить ее нужно так (Сергеева Ж. Испытание «чистого листа»).

Таким образом, исследуемые нами эмоциональные состояния часто передаются с помощью одних и тех же метафор, как и многие другие дискомфортные состояния. Вероятно, это связано и с их общими психофизиологическими, а значит, и семантическими истоками. Что же способствует такому сближению столь разных состояний?

Рассматриваемый феномен может иметь не одну, а множество самых разнообразных причин. Во-первых, трудности в определении того, о какой конкретной эмоции идет речь в конкретном описываемом литературном тексте, связаны с разным эмоциональным опытом, различной эмоциональной и эмотивной компетенцией читателей. Под эмоциональной компетентностью мы, вслед за С. В. Ионовой, понимаем «индивидуальные эмоциональные переживания, <которые> являются живым источником формирования национального и общечеловеческого опыта, устойчивость и узнаваемость эмоциональных смыслов, в свою очередь, обеспечиваются за счет существования социального ядра эмоций – единых для всех представителей данной культуры образцов, стереотипов эмоциональных ситуаций и реакций на них»⁶.

Адекватная эмоциональная и эмотивная компетенция состоит из нескольких элементов, наиболее важными среди которых являются знание общих для носителей языка кодов эмоционального общения, а также знание и владение средствами номинации, экспрессии и дескрипции своих и чужих эмоций. Эмоциональная компетенция языковой личности приобретает через жизненный опыт и в реальной коммуникации, а эмотивная компетенция – через обучающую и художественную коммуникацию⁷. Разный уровень «начитанности», интерес к разным по жанрам и «уровням художественности» литературным источникам (или его полное отсутствие); разный жизненный опыт, в частности – опыт эмоциональных переживаний, и определяют неодинаковость восприятия и интерпретацию описанных в произведении художественной литературы эмоций, то есть эмотивную компетенцию читателей.

Еще одна причина рассматриваемого явления связана со своеобразием самих эмоций, их психологии и физиологии. Психологи считают, что между отдельными видами чувств нет непроходимой границы: удивление может переходить в изумление, гнев – в ярость, радость – в восторг, горе –

в отчаяние, страх – в ужас и т. д. В. И. Шаховский отмечает, что «предельное число эмоций не установлено ни в психологии, ни в физиологии, поэтому число и разнообразие эмотивных значений (коннотаций) также не определены. Это и объясняет, почему иногда трудно понять, с какой именно эмоцией соотносится тот или иной эмотив»⁸.

Третья причина, возможно, кроется в едином происхождении всех отрицательных эмоций. Для понимания этого феномена обратимся к одной из наиболее популярных в современной эмотиологии теорий, пришедших в нее из психологии – теории «базовых эмоций»⁹.

Несмотря на некоторые различия в трактовке понятия «базовые эмоции» разными авторами в целом суть данной теории состоит в том, что она признает существование некоторых основных, генетически первичных эмоций, общих для человека и животных, которые, сливаясь друг с другом и приобретая различные оттенки, образуют все остальные эмоции, в том числе и присущие только человеку. Наиболее часто относят к базовым эмоциям страх, радость и гнев.

Если следовать теории базовых эмоций в понимании Р. Плучика¹⁰, то страх – та самая эмоция, которая наряду с гневом является одной из прародительниц огромного количества и отрицательных эмоций, общих для человека и животных, и более высоких чувств, свойственных только человеку. Стыд – социальная эмоция, а следовательно, на наш взгляд, она является вторичной и не отвечает одному из требований к базовым эмоциям: врожденность и общность для человека и животных. Что же касается сомнения, то эта интеллектуальная эмоция в форме нерешительности, колебаний наблюдается у некоторых высших животных, но в полной мере она присуща только человеку.

Мы так подробно остановились на психологической теории эмоций, так как считаем, что она имеет значение для лингвистов. Дело в том, что теория базовых эмоций может во многом объяснить те труд-

ности, с которыми сталкивается филолог, занимающийся проблемами эмотиологии.

Если большинство отрицательных эмоций базируется на страхе, то стыд можно трактовать как страх осуждения, отторжения со стороны окружающих, а также боязнь не соответствовать своему собственному «Я» (в терминах психологии – своей «Я»-концепции), страх самоосуждения¹¹, несущий страдание, а сомнение – это тоже род страха: страха допустить ошибку, сделать неправильный выбор и (как следствие) пострадать от этого.

В основе всех перечисленных эмоций лежит тревога, страх: страх перед неправильным поступком, страх разоблачения, страх принятия неправильного решения. Страх порождает сомнения, смущение, колебания, неуверенность в своей правоте, в соответствии своего поведения, внешности принятым в социуме нормам, а такая неуверенность влечет за собой стыд, смущение, конфуз. С другой стороны, стыд, чувство вины, вызванные реакцией окружающих людей, также могут породить сомнение в правомерности действий, мыслей, оценок человеком окружающего мира.

О близости понятий «стыд» и «страх» пишут в своей работе С. З. Агранович и Е. Е. Стефанский. Авторы утверждают: «...высшая форма страха знаменует собой появление чисто человеческого нравственного чувства – стыда»¹². Ю. М. Лотман в своей статье показывает динамику соотношения стыда и страха по мере развития общества, формирования государства и, наоборот, разводит эти понятия, говоря о том, что они часто взаимоисключают друг друга. «Поскольку механизм страха прекрасно известен в животном мире, а стыд является специфическим человеческим, именно этот последний лег в основу регулирования первых человеческих – уже культурных – запретов. Это были нормы реализации физиологических потребностей, – бесспорно, наиболее древний пласт в системе культурных запретов. Превращение физиологии в культуру регулируется стыдом»¹³. При формировании в обществе

социальных групп «регулировать стыдом начинает восприниматься как показатель высшей организации»¹⁴ внутри каждой социальной группы. На этом этапе «между сферами стыда и страха складываются отношения дополнительности. Подразумевается, что тот, кто подвержен стыду, не подвержен страху, и, наоборот, <...> область стыда стремится стать единственным регулятором поведения, утверждая себя именно в тех проявлениях, которые подразумевают, что *испытывать страх стыдно*»¹⁵. Но первоначально стыд и страх были слиты, а эти рассуждения касаются в первую очередь определенных слоев общества, в частности, русского дворянства. На первых же этапах существования человечества, да и по сей день – для ряда конкретных людей – стыд и страх идет рука об руку, что можно видеть на богатом литературном материале.

К сожалению, работ, посвященных проблеме взаимосвязи сомнения и страха, мы не нашли, но связь эта становится очевидной, если обратиться к следующим текстовым фрагментам:

Сомнение и страх. «– *Боюсь*, – призналась Марго. После аварии у нее *развилося чувство неуверенности и неустойчивости*, как будто ее жизнь – пустая скорлупа. На нее кто-нибудь наступит – и крак! Даже мокрого места не останется. – *Боюсь*, – повторила Марго» (Токарева В. Коррида). Этот пример демонстрирует, как неуверенность человека в своих силах провоцирует его страх перед будущим.

Стыд и страх. «Она совершенно перестала выходить на улицу. Ей было трудно покинуть даже собственную комнату. Когда ей надо было дойти до уборной или кухни, она брала на руки кошку, потому что кошачье тепло давало ощущение равновесия. Мысль о мире, простирившемся за пределами квартиры, вызывала дикий страх. *И этого страха она стеснялась и пыталась его скрывать* (Улицкая Л. Казус Кукоцкого).

В этом примере связь стыда со страхом очевидна: героиня стыдится, стесняется своего неестественного для здорового человека страха, своей слабости.

Стыд, сомнение, страх. «С тех пор, как случился с ней ее последний приступ, несомненный и долговременный абсанс, выключение сознания, отмеченное и ею самой, и окружающими, *голос ее звучал нетвердо, интонация речи вопростительно-сомневающаяся*. Значит, эти ее выпадения сопровождаются ощущением дереализации... Что это? Ложные воспоминания? Гипногенные галлюцинации? Он взял ее за руку: – А где ты видела эти кактусы? *Она смутилась, встревожилась*: – Не знаю, может быть, у Томочки... Павел Алексеевич взял в руки письмо, еще раз пробежал его глазами. Почему при упоминании о смерти первого мужа она заговорила о кактусах? Никакой связи. Разве что упоминание о Буэнос-Айресе...» (Улицкая Л. Казус Кукоцкого). Героиня романа Л. Улицкой чувствует, что у нее что-то не в порядке, и это чувство порождает одновременно неуверенность в себе, смущение и страх.

Таким образом, вполне вероятно, что стыд и сомнение имеют общий психосемантический источник, связанный с разными интерпретациями чувства страха, которое является у человека врожденным. Страх и его модификации (тревога, смятение, ужас и т. п.), как одна из ярчайших человеческих эмоций, приобретая по мере развития общества разнообразные социальный и интеллектуальные оттенки, породил такие дискомфортные эмоции, как сомнение и стыд. Именно поэтому, сталкиваясь в современных литературных текстах с описанием этих эмоций, мы не всегда можем определить, о какой из них идет речь. Это создает дополнительные трудности при изучении семантических полей данных эмоциональных состояний, если не учитывать родства отрицательных эмоций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Задикян А. И. Сборник душевно-духовных проблем для познания жизни человека. М., 2000. С. 70.

² Там же. С. 72.

³ Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Отв. ред. Ф. П. Сороколетов, Ф. Ф. Филин. М., 1950–1956. Т. 14. С. 1116.

⁴ Там же. С. 250–251.

⁵ Краткий толковый словарь русского языка / Под ред. В. В. Розановой. М., 1985. С. 112.

⁶ *Ионова С. В.* Эмотивность текста как лингвистическая проблема. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1998. С. 5.

⁷ *Шаховский В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.

⁸ Там же. С. 19.

⁹ *Изард К. Э.* Психология эмоций. СПб., 1999; *Ортни А., Клоур Дж., Коллинз А.* Когнитивная структура эмоций // Язык и интеллект / Под ред. В. И. Герасимова и В. П. Нерознака. М., 1995.

¹⁰ *Изард К. Э.* Психология эмоций. СПб., 1999. С. 53.

¹¹ *Агранович С. З., Стефанская Е. Е.* «Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?» // Художественный язык эпохи. Самара, 2002. С. 5–36; 10.

¹² Там же. С. 21.

¹³ *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб., 2000. С. 664–666.

¹⁴ Там же. С. 665.

¹⁵ Там же.